

УДК 172.2

МЕСТО ТЕОКРАТИИ В КУЛЬТУРЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Н.Р. Хан

Рассматривается значение монотеистической теократии, которая могла возникнуть лишь в культурных условиях Средиземноморья и своим возникновением повлияла на историко-культурные процессы данного региона.

Ключевые слова: Средиземное море; теократия; модель политической власти; христианство; культурные особенности; религиозная власть и право.

THEOCRACY'S VALUE IN THE CULTURE OF THE MEDITERRANEAN

N.R. Han

It discusses the importance of monotheistic theocracy, which could occur only in the cultural environment of the Mediterranean and its occurrence's impact on the historical and cultural processes in the region.

Key words: the Mediterranean; theocracy; model of the political power; Christianity; cultural characteristics; religious authority and the right.

Средиземноморье – регион, объединивший на своей территории цивилизации, религии, культуры многих и многих народов. Расположение региона на стыке трех частей света – Европы, Азии и Африки – способствовало складыванию уникальной и беспрецедентной по культурному многообразию исторической обстановки. Источники свидетельствуют о многообразии этнического состава Средиземноморья, преемственности его социально-политической и религиозной культуры как базиса европейской цивилизации. Особенное же значение для процесса такого культурно-исторического обмена всегда имело конструирование религиозно-политической реальности и становление теократии. При этом теократия – в ее ярко выраженной форме – могла иметь место исключительно в культурно-исторических условиях религиозного синкретизма и этнического многообразия народов. Тесное сплетение культур Востока и Запада, с их особенностями и колоритом, позволило сформироваться особой средиземноморской цивилизации: “Здесь прошлое дает нам яркий пример шаткости границ между Востоком и Западом, когда речь идет о развитии мировой культуры” [1, с. 470].

Следует подчеркнуть, что феномен теократии, получивший практически повсеместное распространение, мог стать реальностью именно в данном регионе. «И если при этом сначала выделить причи-

ны социального и историко-культурного характера, то таковыми здесь являются, во-первых, процессы кардинальных общественных преобразований, охвативших абсолютно все средиземноморские народы первых веков н. э., и порожденная ими необходимость выработки соответствующего идеологического обеспечения. Ими, во-вторых, являются присущие этой эпохе “столкновения архаической культуры с иной, более развитой, которая угрожает существованию туземных институтов” и ситуации “приобщения варварских народов Европы к христианству и античной цивилизации, когда рушились традиционные основы их социально-политического и религиозно-идеологического строя...”» [2, с. 183–184; 3]. К ним же, в-третьих, можно также отнести сложившуюся в регионе традицию принимать социально-политические и идеологические решения посредством свободного выбора [3, с. 61].

При этом широко известно, что наиболее яркими моделями-образцами политической власти, получившими отражение в теократических концепциях Средиземноморья, являлись теократии Древнего Египта и Древней Греции. И здесь обращает на себя внимание тот факт, что во главе египетских протогосударств находились священники-жрецы, позже возглавившие номы. До образования же единого Египта на территории существовала дееспотическая монархия. Складывание централизо-

ванного, политически-оформленного государства под властью единого царя, личность которого приобретает обожествленный характер, управлявшего объединенным государством и своими сверхъестественными силами контролировавшего ежегодные разливы Нила, стало жизненно важным для Египта событием. Теократическая модель, воплощенная в институтах египетского царства и жречества, впоследствии перевоплотилась в институт царства-духовенства в несколько иной форме, которую ей придала идея монотеизма.

Что касается идеи монотеизма, сформировавшейся в Римской империи благодаря христианству, то таковая была унаследована из Древней Греции. На протяжении двух своих исторических этапов – архаическом и классическом – греки основывались на двух концепциях власти: харизматической и республиканской. Концепция Гомера о единовластии как самой правильной форме правления легитимировалась передачей власти непосредственно от Зевса. Законы, по которым царь должен был управлять, также получались от бога. Источником власти в такой модели являлся бог, а земным воплощением – царь, который, однако же, получал власть, завоевывая ее подвигами, что невозможно без харизмы и поддержки народа: “...можно констатировать, что гомеровская модель царской власти целиком опирается на религию и ею же легитимируется. Она предполагает вертикальную (иерархическую) структуру общества и ее основным идеологическим основанием является ее божественное происхождение и богоизбранность царя. При этом, однако, религиозный аспект сильно снижается социальными нормативами, которые ставят царский статус в зависимость от личных заслуг и от одобрения народа. Даже в идеологии царской власти на первое место начинает выходить социальный аспект, т. е. идея справедливого правления” [4, с. 112].

Полисное строение государства, между тем, исключало единого правителя как носителя харизмы и признавало равноценность многих претендентов на власть. Концепция представлялась как власть, переданная богом людям с возможностью полного распоряжения. Республиканская модель не смогла полностью вытеснить харизматическую власть времен архаики, а находилась в противоречии с ней: “С началом классической эры началось торжество правовой, республиканской модели. Возникшая же в позднеклассическую эпоху младшая тирания не может быть названа харизматической властью, так как она опиралась уже не на традицию, не на религиозную легитимацию и не на волю народа, а на военную силу наемников... В эпоху распада полисной религии и религиозного скептицизма построить политическую или идеологическую систему на старых веро-

ваниях было уже невозможно... В некотором смысле ренессанс харизматической власти произошел в эпоху Александра Великого... Однако Александр создал образ харизматического царя, но не харизматическую власть. Созданный им тип монархии питался больше соками культурных и политических традиций Востока, чем Греции... Правильнее было бы говорить не о возрождении харизматической власти в эпоху эллинизма, а о зарождении новой потестарной модели, родившейся из сплава эллинского харизматического наследия и восточных традиций” [4, с. 124–126].

Если, далее, обратиться к политической истории Древнего Рима, то таковая разделена на два периода: республиканский и имперский. На всех этапах развития Римская республика по своему историческому типу являлась рабовладельческой, а по форме правления носила аристократический характер. Средиземноморье первых веков новой эры находилось под властью Римской империи, пребывавшей в состоянии кризиса и нуждающейся в политической централизации, культурном синкретизме и их религиозно-смысловом наполнении. При первом римском императоре Октавиане Августе существовала идея о том, что Рим – родина всех племен, государство, предназначенное для объединения всех народов во имя их собственного блага. В итоге в регионе того времени получила распространение идея монотеизма, проявившаяся в ближневосточном язычестве, иудаизме и затем в зарождающемся христианстве.

Политеизм, некогда свойственный региону, постепенно утрачивал свое значение также в связи с урбанизацией и отрывом общества от природной среды, стихийным силам которой приходилось ранее прогивостоять, в том числе и религиозными средствами. Общество как бы предчувствовало монотеизм, стремилось к нему, возводя в идеал поклонение не просто единому божеству, а богу, который хотя и был лишен натуралистической образности, но в то же время обладал способностью отвечать обращенным к нему молитвам. “К числу богов Средиземноморья, отличающихся личностными, теистическими свойствами, следует отнести, прежде всего, еврейского Яхве, греко-египетского Гермеса Трисмегиста и Исиду” [5, с. 201]. При этом христианская религия в наибольшей степени отвечала ожиданиям общества Римской империи, в чем заключался ее политический и идеологический успех. Отсутствие же конкурирующей идеологической доктрины, которая реально могла бы способствовать централизации и стремлению общества к вселенскому характеру на духовной основе, послужило дополнительным основанием для упрочения христианства на территории Римской империи.

Монотеистические представления, отраженные в таких верованиях, как иудаизм, манихейство, гностицизм, христианство, оказались более актуальными и более распространенными, нежели языческие религии греков и римлян. Римская же империя крайне нуждалась в такой всеобщей религии, которая в полной мере отвечала бы возникшим потребностям в централизации и была бы в состоянии заменить утратившие силу языческие культы. “На этом фоне широкую популярность приобретали разнообразнейшие восточные культы, божества которых, в отличие от формалистской религии Рима, имели характер, располагающий к близости и открытости... Таковы были культы ближневосточных богов, синкретические религии, иудаизм, христианство” [5, с. 205]. При этом иудаизму – по причине наличия в нем специфических этнических черт, запретов и особенностей культа, а также усложнившихся отношений между еврейскими общинами и властью, – не удалось приобрести повсеместного распространения в регионе: “...именно в тот момент, когда религия Яхве могла оказаться наиболее востребованной во всем Средиземноморье, подвергаемое политическим преследованиям иудейство сменило свою интернациональную открытость на носящую защитный характер этническую замкнутость. Разумеется, это обстоятельство закрыло перед иудаизмом какие-либо перспективы стать универсальной общеимперской религией” [5, с. 206].

Прочие религиозно-философские верования не получили развития по причине сложности посвящения (герметизм, митраизм, культ Исиды) или из-за недостаточности интеллектуального развития предполагаемых адептов (стоицизм, неоплатонизм, неопифагорейство). Отсутствие же каких-либо интеллектуальных барьеров и чуждой обрядности наряду с христианской идеей равенства окончательно определили судьбу религиозного сознания Средиземноморья. “Христианство решительно отменило всякую разделяющую людей обрядность и тем создало возможность для людей самых различных категорий без особого труда вступать в христианские общины” [6, с. 251]. Раннее христианство привлекало разлагающуюся империю обретением политико-идеологического идеала и перспектив, связанных с его достижением. Религия Христа обладала, помимо прочих преимуществ, огромным мотивирующим потенциалом для каждого индивидуума империи.

Если языческие культы, обожествлявшие природу, ставили человека в заведомо подчиненное положение, не оставляя ему возможности самому принимать решения и не допуская мысли о том, чтобы покинуть природный круговорот, то христианство позволяло помыслить о возможности самостоятельно определять свою судьбу. “Бог стал человеком,

чтобы человек стал Богом” – можно представить, какой колоссальной притягательностью обладала эта необыкновенная перспектива для растерянных, потерявших надежду что-либо изменить масс Рима” [7]. Общество находилось в эмоциональном состоянии негатива, политической нестабильности и социального отчуждения. Когда в римлянах исчезло сознание своей принадлежности к единой общности, развился, по словам К. Каутского, “страх смертности, какого в древности не знали”.

“Раньше острое переживание людьми своей смертности умерялось уверенностью, что после гибели дела человека продолжают общиной, новыми ее членами” [7, с. 211]. Сотериологические устремления христианства отвечали желаниям получения загробного блаженства, причем с получением его не всеми, а исключительно страдающими в жизни земной. Кроме того, новоявленные адепты получали избавление от греховности, которая им же христианством и была навязана. Консолидирующий механизм всеобщей греховности и стремлений к избавлению от нее был запущен и воспринят как идеологическая основа. Римская империя стала христианизированной, несмотря на первоначальную борьбу именно с этой религией на этапе ее развития, передав общехристианский идеал Византийской и Священной Римской империям, а впоследствии и Московской Руси.

Отдельного внимания заслуживает анализ взаимоотношения христианства с философией. Как известно, поначалу философия, будучи конкурентным мировоззрением, христианством отрицалась. Однако необходимость распространения учения Христа в среде эллинистической культуры предполагала желание “...привлечь спекулятивные умы и вдохновить их к размышлениям над Евангелием, – Евангелием, которое Павел называл «безумием для эллинов»” [8, с. 573]. Проповеди Павла, с его резким неприятием философии, в среде язычников превращали Иисуса из палестинского праведника в образ “бога невидимого”, олицетворение “славы божией” [9]. Тем самым учение Христа переводилось в область философского дискурса, свойственного эллинистическому обществу. В Евангелии от Иоанна данное восприятие мышления было продолжено. По мнению А. Юлихера, “Иоанн сделал громадную уступку эллинской мысли, введя понятие о Логосе, заимствованное им из греческой философии. Это построение внушало уважение крупнейшим из греческих философов, которые насмешливо относились к еврейским разрядам ангелов и войскам демонов” [10, с. 255].

Таким образом, христианство получило осмысление со стороны античных философов и привлекло к себе носителей эллинистической культуры. Позд-

нее философское содержание всячески извлекалось из складывающейся христианской доктрины, а именно представления александрийской и антиохийской школ с элементами докетизма и дуалистических представлений о сущности Христа, которые в IV–VI вв. получили развитие в христологических спорах. При этом "...к Александрийской школе принадлежали не просто представители самых разных этносов – греки, римляне, иудеи, египтяне, эфиопы, сирийцы, ливийцы, персы, армяне, арабы, – а такие, которые, составляя интеллектуальную элиту всего тогдашнего Средиземноморья, действовали исключительно как энциклопедисты (и в этом отношении, кстати, заметно отличались даже от искушенных в разнообразной мудрости греков – основателей самой александрийской культуры и носителей ее языка)" [11, с. 124]. Такие энциклопедисты немало способствовали возникновению концепций о двух соединенных воедино природах Христа, которые легли в основу теократической идеи, получившей развитие в средневековой политической теологии и философии. Впоследствии в средневековье идея о двух природах Христа и двух природах власти легла в основу учения о "двух телах короля", послужив идеологической и философской предпосылкой цезаропапизма.

Еще одним важным источником теократии, безусловно, являлось римское право. И поскольку основные вероучительные аспекты христианства по своей сути противоречили римскому праву, то процесс их сращивания проходил болезненно и не без помощи философии. В самом деле, изначальный римский идеал мирового господства с построением империи кровопролитными мерами противоречил христианским призывам непротivления злу: "...любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас" [12]. Между тем, существовавший институт императорства, основанный на демократических принципах и утративший былую силу, по ряду причин нуждался в юридическом обосновании замены власти, делегированной народом, на власть, делегированную Богом. При этом правовая природа теократии стала заключаться в институционализации духовной сферы по типу государственных учреждений, а иногда – соединения государственного и религиозного принципов в едином институте.

В результате осуществление политической власти при помощи религиозных ценностей общества стало ее легитимацией, а сопричастность божественному – оправданием власти, какой бы она при этом ни являлась: христианская община смогла "...принять многие отделы римского права, как оно сложилось ко времени 300 г." [13, с. 324]. Схе-

матически такую легитимацию можно выразить в качестве триады: право – порядок – божественный порядок. Правовое сознание Римской империи с его упорядоченностью и политическое сознание, содержащее монархический оттенок, оказали непосредственное влияние на складывание доктрины христианства, равно как и христианские ценности получили отражение в политическом становлении принципа теократического правления. Особым образом политическое сознание Рима отразилось в структуре и иерархии христианской общины: увеличившееся количество христиан предполагало идею иерархичности, которая была позаимствована у Римской империи. Духовная преемственность стала подобна принципу монархического наследования, что позволило сблизить христианскую доктрину с идеологией Римской империи.

С приходом к власти Константина Великого Рим заканчивается и начинается Византия. Императором Константином воплощается в жизнь монархический принцип правления, отличный от римского абсолютизма императора Августа и восточной деспотии Александра Македонского. Власть представляется как орудие бога: она исполняет не свою волю, а божественную справедливость. При этом власть воплощается в категориях римского права: "...римское императорское право сделалось правом христиан, объявлявших о своей принадлежности к вере императора" [14, с. 72]. Идеология Константина, будучи основана на таком механизме, неизбежно приводила к смешению понятий "церковь" и "государство". Христианство, использованное как элемент идеологии, заметно укрепляло устойчивость политической доктрины, столь необходимой в создавшихся социально-политических условиях.

Со временем византийская идея двух неразрывных властей, которая неплохо справлялась со своей социально-политической функцией, трансформировалась в две концепции. Первая, приобретающая вид папоцезаризма, заключалась в том, что церковь получала государственную власть, а монарх становился исполнителем ее воли. Вторая, называемая цезаропапизмом, позволяла императору считать себя повелителем церкви и обладать неограниченной властью. Первая концепция была унаследована Римской католической церковью, вторая была воплощена не только в Византии, но и в государственности Московской Руси. Наиболее молодой теократией стала исламская модель организации религиозно-политической власти. В ней глава общины и глава государства – одно и то же лицо. Впервые данная модель реализовалась в гезисе Арабского халифата, получившего распространение в Средиземноморье средних веков.

Таким образом, теократические концепции власти, которые строились на религиозных основах, непосредственно влияли на централизацию четырех империй и играли ключевую роль в становлении государственности, были идеологически обоснованы и политически обусловлены. Теократия, оформившись в институт религиозно-политического правления, оказала на культуру Средиземноморья огромное влияние, во многом определив сущность, значение и статус этой культуры. Порядок церковной иерархии с ее историчностью стал распространяться на общество в целом. Право подкрепилось божественной легитимацией, религия стала мировым законом. Слившись воедино в образе теократической концепции, оба явления стали культурообразующим элементом для всего Средиземноморья и позже – европейской цивилизации.

Теократическая идея получила от христианства оттенок универсализма, который позже приобрел тенденцию к тотальному распространению “Царствия Божьего” на земле. При этом римское право и идея Спасителя, воплощенные в политической модели Средиземноморья, на несколько тысячелетий погрузили общество в осознание своей греховности и желание спасения. Обезличивание личности, универсализация справедливости, всеобщая греховность наряду со стремлением освободиться от греха, равно как и многие другие мифологемы, получили распространение во всей мировой культуре. Между тем, существование через распространение – принцип христианства, позволивший ему исторически рассеяться практически во всех государствах. Отсюда понятно, что теократическая модель правления осуществлялась в религиозных течениях, так или иначе в своей истории связанных с христианством. И если христианство – во всех своих проявлениях – политизировано, то ислам политичен по самой своей сути. Религиозная власть и право, соединенные воедино в форме теокра-

тии, тотально повлияли на ход мировой истории и человеческой цивилизации.

Литература

1. *Крачковский И.Д.* Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2 / И.Д. Крачковский. М., 1956.
2. *Гуревич А.Я.* Из истории народной культуры и ереси: “Лжепророки” и церковь во Франкском государстве / А.Я. Гуревич // Средние века. Вып. 38. М., 1975.
3. *Иванова И.И.* Рационалистические ереси в истории христианства / И.И. Иванова. Бишкек, 2003.
4. *Туманс Х.* Две потестарные модели в Древней Греции / Х. Туманс // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2003.
5. *Субботин Е.В.* Религиозное сознание Средиземноморья I–IV вв. / Е.В. Субботин, И.И. Иванова. Бишкек, 2003.
6. *Ранович А.Б.* Очерк истории раннехристианской церкви // Ранович А.Б. О раннем христианстве. – М., 1959.
7. *Субботин Е.В.* Религиозное сознание Средиземноморья I–IV вв. / Е.В. Субботин. Бишкек, 2003.
8. *Добшоц Э. фон.* Древнейшие христианские общины. Культурно-исторические картины // Раннее христианство: в 2 т. Т. 1. / Э. фон Добшоц. М., 2001.
9. Библия. 2 Кор. 4: 4, 6.
10. *Юлихер А.* Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора // Раннее христианство: в 2 т. Т. 1 / А. Юлихер. М., 2001.
11. *Иванова И.И.* Александрийская школа и становление христианской идеологической традиции / И.И. Иванова // Религиоведение. 2005. № 4.
12. Библия. Мат. 5:44.
13. *Гарнак А.* Церковь и христианство вплоть до установления государственной церкви // Раннее христианство: в 2 т. Т. 1 / А. Гарнак. М., 2001.
14. *Шпенглер О.* Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. М., 1998.